

Отвѣтъ на рецензію.

"Гражданин", No 26, 1873

Оригинал здесь -- <http://smalt.karelia.ru/~filolog/grazh/1873/26junN26.htm>

Рецензія на мою книгу "Міръ какъ цѣлое", появившаяся въ журналѣ "Знаніе" (1873, No 1, стр. 27-36), хотя враждебна книгѣ по направленію, но написана такъ ясно и отчетливо и имѣетъ въ такой степени серьезный тонъ, что еслибы я не сталъ отвѣчать на нее, можно бы было пожалуй обвинить меня въ маломъ интересѣ къ дѣлу, къ тому предмету, которому посвящена моя книга.

Но я нахожусь въ большемъ затрудненіи. Имѣю ли я право требовать, чтобы мой рецензентъ былъ заинтересованъ мышленіемъ, былъ дѣйствительнымъ искателемъ истины? Какія тяжкія требованія для журнальнаго рецензента! Вполнѣ чувствую ихъ несоразмѣрность и несправедливость, а между тѣмъ нельзя мнѣ отъ нихъ отступить; такова моя книга, такова ея точка зрѣнія, что разсуждать о ней иначе значило бы упустить изъ виду самую сущность дѣла. "Вся моя цѣль", сказано у меня въ предисловіи, "какъ будто состояла только въ томъ, чтобы во что бы то ни стало разбудить читателя, возбудить въ немъ философскую дѣятельность мысли" (стр. IV). Слѣдовательно, мнѣ нужно теперь разобрать, достигъ ли я своей цѣли, разбудилъ ли я рецензента, или нѣтъ? Я отъ него хотѣлъ мышленія, -- значить съ этой стороны и долженъ судить о томъ, что онъ написалъ.

Въ самомъ началѣ рецензентъ пишетъ: "Существенная часть книги, по словамъ автора, -- первая" (стр. 27). Вотъ сразу большая и важная ошибка; я этого и не думалъ и не говорилъ; я не называлъ первой части существенною; я сказалъ только, что она *излагаетъ главный взглядъ книги* (стр. XIII). Но, хотя вторая часть трактуетъ о болѣе частныхъ вопросахъ, я считалъ ее -- по строгости метода, по тщательности обработки, наконецъ по большей опредѣленности разбираемыхъ ученій -- не только не менѣе, а даже болѣе существенною, чѣмъ первая часть. Между тѣмъ рецензентъ ничѣмъ этимъ не заинтересовался и разсудилъ такъ: "Вторая часть составляетъ только критику существующихъ взглядовъ, а не изложеніе опредѣленнаго ученія. Слѣдовательно на первую часть мы и должны обратить главное вниманіе" (стр. 27).

Это слѣдовательно и нелогично, и очень для меня обидно: самая сильная часть книги не удостоилась вниманія рецензента.

Другія слова моего предисловія безъ моей вины были причиной другой ошибки рецензента. Я сказалъ, что признаю гегелевскую методу полнымъ выраженіемъ научнаго духа. Отсюда рецензентъ выводитъ, что у меня въ методѣ *двойственность*, что я смотрю на міръ *какъ натуралистъ и какъ метафизикъ*. Прежде чѣмъ вывести такое заключеніе рецензенту слѣдовало бы доказать, что метода натуралистовъ и философская метода Гегеля -- двѣ вещи дѣйствительно различныя, никакъ несомѣстимыя. Но онъ и не задумался надъ этимъ; когда ему попало великое имя Гегеля, то онъ заранѣе рѣшилъ, что все идущее отъ него не можетъ быть ничѣмъ, кромѣ ереси и заблужденія. Такова слава философіи въ наше время; таковы закоренѣлые предрасудки относительно этой науки, -- и мой рецензентъ сталъ судить мою книгу не по самой книгѣ, а по этимъ предрасудкамъ. Какъ трудно заставить людей думать! Они читаютъ, но не вѣрятъ не только автору, а и самимъ себѣ: они шагу не ступятъ безъ авторитета и думаютъ, что и всѣ другіе въ этомъ на нихъ похожи.

Я назвалъ человека *центромъ міра*. Рецензентъ рѣшительно отвергаетъ эту мысль, и вотъ на какомъ основаніи: "*человѣкъ какъ центръ міра*", говоритъ онъ, -- "выраженіе, не имѣющее въ глазахъ натуралиста никакого смысла" (стр. 28). Да почему же я долженъ ограничиваться тѣмъ какъ выражаются и чему учатъ натуралисты? Развѣ я не могу самъ выбирать свои выраженія, самъ опредѣлять ихъ точный смыслъ, самъ доказывать справедливость этого смысла? Почему вы не хотите слѣдовать за моею мыслью и ставите мнѣ въ стыдъ, что этой мысли нѣтъ у другихъ? Почему наконецъ вы не въ силахъ повѣрить, что это -- моя мысль, а думаете, что я только твержу слова Гегеля, какъ вы сами только твердите слова натуралистовъ?

Въ разбираемой мною рецензіи есть черта очень для меня лестная: рецензентъ ни разу не укоряетъ меня ни въ какой ошибкѣ противъ естественныхъ наукъ; онъ не нашелъ ни единого промаха, который бы показалъ, что я недостаточно свѣдуущъ въ этихъ наукахъ, или смутно понимаю то, чему онъ учитъ. Вотъ доказательство, что я не отвергаю натуралистовъ и не противорѣчу имъ, а только стараюсь расширить ихъ методъ, взять дѣло глубже и пойти въ немъ дальше чѣмъ они. Къ несчастію этого-то рецензентъ мой и не замѣчаетъ. Поэтому, хотя я глубоко и искренно благодаренъ ему за похвалы (такая для меня рѣдкость!),